

Вечера на хуторе близ... Иматры

Автор: Лео Костылев, президент МАПП

Не Гоголь — это ясно! Но то, что я хочу рассказать очень похоже на Рождественскую сказку. Своё начало наша история берёт в далёком уже теперь 2001 году, который начался для меня с горестного события. Умерла моя бабушка. И хотя дожила старушка почти до девяноста четырёх лет, было очень жалко прощаться с ней. Как и положено в таких случаях, от бабушки осталось кое-какое барахло, часть которого по закону перешла и ко мне. Закон Финляндии суров к наследникам, посему вступить в свои права они могут лишь после уплаты налогов и прочих весьма немалых сборов. Поскольку добрая бабушка моя решила наградить меня маленьким домиком на берегу живописного восточно-финляндского озера, то впал я не только в горесть

от потери близкого человека, но и в пропасть бессчётных расходов. В этих хлопотах, вдобавок к обычной своей жизненной рутине, прошли несколько лет. Я уже почти забыл о наличии маленького полуразвалившегося домика среди вещей, обременяющих мою жизнь, как вдруг получил письмо с извещением о том, что должен явиться в местное правление для подтверждения своих прав и чего-то ещё подобного. Выбрав один из летних «длинных» уик-эндов, я направил колёса своего автомобиля на восток.

«Белые ночи» Финляндии

Растопить сауну, несмотря на все мои старания, мне не удалось, и я уже совсем было загрузил, представляя себе бесконечный вечер на пустынном берегу

не менее пустынного озера. Дом был запущен, бабушка и сама не бывала в нём с тех пор, как совсем состарилась. Может быть, я был первым за последние двадцать лет обитателем этого когда-то полезного жилища. От нечего делать я стал разбирать старые вещи, большинство из которых можно охарактеризовать ёмким и весьма подходящим для них словом: «хлам». К середине вечера я дошёл до сундука, на крышку которого были навалены старые газеты. Поскольку история — одна из моих страстей, я с удовольствием читал новости, устаревшие более полувека назад. В куче газет нашлись и «Правда» пятидесятых годов, пара-тройка финских газет, одна общенациональная, остальные местные, и даже эстонская «Нарвский рабочий» того же времени. Я так увлёкся чтением газет, что позабыл о времени. В газетах на русском часто писали о событиях в мире или даже в Финляндии, и я с интересом искал финские газеты соответствующих периодов, чтобы сравнить информацию. За этим интереснейшим занятием меня застали сумерки. Летом в Финляндии не темнеет совсем, поэтому читать можно хоть всю ночь без света, особенно в ясную погоду. В стране не нашлось такой силы писателя, чтобы описать эти ночи, как это сделал Достоевский в России, и поэтому о «белых ночах» Финляндии никто не знает, а едут их смотреть в Петербург. Летняя ночь на карельском озере с лебедями, может, ещё красивее, но знают об этом только те, кто коротал их как я, читая газеты или занимаясь чем-нибудь другим.

Первые механизмы

В конце концов, я так устал от политики и старых реклам, что решил заглянуть

внутрь сундука. Сундук был старый, явно старше дома. Обычный вещевой сундук тех времен: коричневой кожи, с металлическими уголками, замком посередине и двумя кожаными ремнями по бокам. Моё внимание привлекла почти стёршаяся от времени бумажка, приклеенная к боковой наружной стенке сундука. Это была расписка российской таможни на русском и финском языках, гласившая, что багаж досмотрен. И год: 1914. Неужели и тогда таможня рылась в частных вещах людей? И Финляндия ведь была частью Российской империи. Что же искали таможенники в саквояжах путешественников? Нелегальную литературу, книги Ленина и Троцкого? Самих Ленина и Троцкого, замаскированных под нижнее бельё? Я был явно разгорячён газетами, и мне уже не терпелось порыться в этом таинственном сундуке, досмотренном на российско-финской границе. Каково же было моё удивление, когда внутри сундука оказались две съёмные полки, набитые старыми одеждой и обувью. Я уже совсем было разочаровался и решил пойти спать, как под полками увидел несколько туго перевязанных тесьмой папок с бумагами. Бумаги — это то, что мне надо!

Первая папка содержала книги, с аккуратно вписанными в них цифрами, расчётами и прочими математическими выкладками, которые я определил для себя как бухгалтерию. Другая содержала какие-то чертежи и рисунки, много рисунков. В третьей находились бумаги с печатями и гербами, среди которых особо выделялись листы с заглавием «Patent». Пролитав все папки, я сделал для себя два важных вывода. Первое: я должен выбрать их с собой и ознакомиться с бумагами в нормальной обстановке, выделив для этого время. Второе: пока я ковырялся в старых бумагах, наступило утро.



Вернувшись домой и тщательно изучив содержание папок, мне удалось выяснить следующее. Папки представляли из себя архив предприятия, скорее всего мануфактуры, которая существовала на территории России во второй половине девятнадцатого века. Родом деятельности мануфактуры или, по крайней мере, одним из видов деятельности её было производство пишущих инструментов. В папках содержалось большое количество, по преимуществу, английского происхождения патентов на пишущие инструменты. Чертежи и рисунки также относились к этой отрасли. Некоторые рисунки напоминали по виду и конструкции изделия, представленные в патентах, другие были очень далеки от них. Но все они, так или иначе, были связаны с пишущими принадлежностями тех лет. Слегка наивные попытки перьевых ручек с механизмами, которые, мне кажется, не должны были работать, больше моделей ручек, которые назывались в моё детство «вставками» или «ставками», я не очень уверен в произношении этого слова. Я никогда не видел его написанным, только из уст родителей и бабушки. Это были вычурные и не очень цилиндрические стержни из разных материалов, на конце которых укреплялся держатель для вставного пера. Порывшись в Интернете, я выяснил, что именно такими «ручками» писали до начала двадцатого века, несмотря на то, что патент на поршневую перьевую ручку был выдан в начале века девятнадцатого.

Российские ручки премиум-класса?

Помимо архивов мануфактуры, папки содержали некоторые личные документы, письма, а также вырезку из какой-то российской газеты, в которой рассказывалось о пожаре на мануфактуре, выпускавшей пишущие принадлежности. Из материалов статьи я узнал, что фабрика сгорела от рук работавших на ней, скорее вследствие недовольства последних, чем по неосторожности. Письма, написанные более века назад, в большинстве своём на французском, и до сих пор остаются для меня загадкой. Автором их был выходец из Франции, имевший русскую жену, граф Анри Салиас де Турнемир. Он же, как я понял, был и владельцем той самой сгоревшей мануфактуры. Никаких сведений о дальнейшей судьбе мануфактуры, я как ни старался, более не смог отыскать. По-видимому, она навсегда исчезла в огне того пожара.

Как оказались эти бумаги на дне сундука со старым тряпьем моей бабушки, для меня остаётся загадкой по сей день. Однозначного ответа на этот вопрос, я думаю, я не узнаю никогда. Все родственники, которые могли бы пролить свет на это, к сожалению, находятся там, куда не позвонить и не доехать без помощи Харона. Из своего детства я помню только, что бабушка называла свою свекровь графиней, а нас с братом графятами. Ещё я помню, что однажды, гуляя с бабушкой мы увидели афишу спектакля «Смерть Тарелкина» Сухова-Кобылина. «Это твой родственник, но он плохо кончил» — сказала бабушка, но и тогда я не догадался расспросить её подробнее. Что поделаешь, у детей совсем другие интересы. Автор пьесы Александр Васильевич Сухово-Кобылин был родным братом русской писательницы, писавшей под псевдонимом Евгения Тур, и бывшей женой того самого Анри Салиаса, да и сам псевдоним «Тур» происходит от местечка, где стоит родовой замок

Салиасов, Турнемир. Больше мне, к сожалению, ничего не известно, и не удалось выяснить о родстве.

Однако, гораздо больше меня заинтересовала идея возобновить в России производство пишущих принадлежностей премиум-класса. И что лучше может подходить к названию для этих изделий, чем фамилия человека, который, может быть, был единственным в России производителем подобных вещей. Обладавшим к тому же, вкусом французского аристократа и бывшим частью семьи, умевшей правильно использовать пишущие принадлежности. Помимо брата жены, и её самой, в российской части семьи писал и их сын Евгений, которого называли «русским Дюма». А по французской ветви известности своим пером добился Антуан де Сент-Экзюпери.

Тщательно изучая модели и формы изделий, которые граф Салиас планировал производить на своей мануфактуре, пользуясь его чертежами, мы решили воссоздать искусство производства пишущих инструментов в России и снова дать стране возможность показать, что не только самые популярные среди террористов автоматы она может выпускать, а и орудия интеллектуального труда тоже.



Having inherited from his granny a house on the bank of the Imatra lake in Finland, the author of the article finds archives of a textile mill of the beginning of 20th century in an old trunk. The archives reveal that the history of producing writing materials of premium class in Russia dates back to much older days than one could have thought. Probably the found drawings and patents will help to revive the history of production of pens in Russia.

